

Предмет конституционного права в антропологическом контексте

Аннотация. *Науке конституционного права необходимо более решительно обращаться к неклассической методологии, обусловленной тремя глобальными научными поворотами постмодерна: лингвистическим, антропологическим, практическим. Антропологический подход полагает человека центром социальной реальности, частью которой является правовая реальность. Это согласуется с конституционными принципами высшей ценности человека и его прав, формального равенства, достоинства личности. В контексте юридической антропологии предметом конституционно-правового регулирования в первую очередь должны быть те общественные отношения, в рамках которых человек формируется и реализуется как личность в условиях национальной правовой системы.*

Важным становится регулирование тех общественных отношений, где проявляется гражданская активность личности, прежде всего правотворческая и законодательная инициативы. Это требует изменения отношения к природе права. Исходя из смысла ст. 2 и 3 Конституции РФ, система человеческих (межличностных) взаимодействий может породить новое в общественной жизни, влекущее за собой и изменение во властеотношениях. При этом право в целом, включая отраслевое конституционное, должно развиваться как положительный результат человеческой деятельности, важный элемент прогрессивной эволюции общества, способствующий развитию личности, ее самопознанию и самореализации, достижению такого правового качества, как правовая идентичность.

Идентичность является одним из элементов антропологического дискурса. С авторской позиции правовая теория идентичности включает три аспекта: философско-правовой, теоретико-правовой и отраслевой. Категории «правовая идентичность» и «конституционная идентичность», с одной стороны, выступают качественной правовой характеристикой социального субъекта, с другой — позволяют анализировать место человека в праве и правовую реальность в целом.

Ключевые слова: предмет права, конституционное право, методология, правопонимание, антропологический поворот, личность, правовая реальность, конституционная идентичность.

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.96.11.148-158

Проблема предмета ведущей отрасли национальной правовой системы является важнейшей в юридической науке. Она не остается без внимания исследователей. Фундаментальной работой, на которую в научных дискуссиях и исследованиях ссылаются консти-

© Исаева Н. В., 2018

* Исаева Нина Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного и финансового права Ивановского государственного университета
nina.isaewa@yandex.ru
153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39

туционалисты, безусловно, является монография О. Е. Кутафина¹. Автор, предприняв обстоятельный историографический обзор, предлагает собственное понимание предмета конституционного права как совокупности базовых общественных отношений, возникающих в процессе осуществления государственной власти Президентом РФ, парламентом Российской Федерации, законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов РФ, а также непосредственно народом в процессе проведения референдумов и свободных выборов. Эти отношения, отмечает автор, несмотря на их фундаментальный характер, обладают подвижностью, способностью к развитию².

Наравне с таким подходом, в юридической литературе, включая учебную, предлагается также определение предмета, данное Е. И. Козловой, относящей к нему «общественные отношения, которые определяют организационное и функциональное единство общества: основы конституционного строя Российской Федерации, основы правового статуса человека и гражданина, федеративное устройство, систему госу-

дарственной власти и систему местного самоуправления»³.

Встречаются работы, разграничивающие объект и предмет конституционного права, с подчеркиванием в качестве особенности их политического характера⁴, что другими авторами критикуется⁵, в том числе за выделение общих правоотношений, понимаемых прежде всего как конституционные принципы⁶.

В исследованиях нередко отмечается недостаточность традиционного подхода к выделению и группировке общественных отношений как предмета конституционно-правового регулирования. Предлагается обращать больше внимания на «социальное поведение (деятельность) субъектов конституционного права, обеспечиваемое и направляемое государством путем определения их конкретных прав и обязанностей»⁷. Авторы полагают необходимым выделять внутренний аспект (психический)⁸ и внешний аспект юридической деятельности. Эта проблематика не нова для отечественной юридической науки, правда, в большей степени характерна для общей теории права⁹.

¹ Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М. : Юристъ, 2001.

² Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 25.

³ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2005. С. 10.

⁴ См., например: Авакьян С. А. Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. М. : Юристъ, 2005. Т. 1. С. 43 ; Лунгу Е. В. Объект конституционных правоотношений // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 6. С. 25—29.

⁵ Карташов В. Н. Инновационные и традиционные подходы к исследованию конституционных правоотношений // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 12—16.

⁶ См., например: Грачев Н. И., Тихонов А. А. Основы конституционного строя как общеправовые принципы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 : Юриспруденция. 2013. № 1. С. 12—18 ; Невинский В. В. Основы конституционного строя Российской Федерации как система конституционных принципов // Российский юридический журнал. 2004. № 1 (41). С. 9—14.

⁷ Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть : учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Б. А. Страшун. 4-е изд., обновл. и дораб. М., 2010. С. 34.

⁸ Подробнее см.: Карташов В. Н. Теория правовой системы общества. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 480—505.

⁹ См., например: Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982 ; Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982 ; Мальцев Г. В. Социальное основание права. М., 2007 ; Психологический механизм юридического поведения личности / под науч. ред. В. Н. Карташова ; ЯрГУ. Ярославль, 2011.

Подробнее о психологических аспектах поведения субъекта публичного права см.: Крупеня Е. М. Статусное публичное право (основы теории). М. : АПК и ППРО, 2011.

Если в советское время не принято было говорить о «человекомерности» права, то сейчас этот термин довольно широко используется учеными, в том числе в науке конституционного права. Это обусловлено положениями национальной Конституции¹⁰, устанавливающей в ст. 2 принцип высшей ценности человека и его прав. К сожалению, в исследованиях он так и остается лишь одной из основ конституционного строя, мало связанной с конкретным человеком и его потребностями¹¹, поскольку это требует изменения методологии.

В современной философии права и общей теории права методология связывается прежде всего с правопониманием, а последнее — с типом научной рациональности. Выделяют классическую, неклассическую и постнеклассическую рациональность¹². Классический тип научной рациональности предлагает в качестве условия объективности элиминацию субъекта, неклассический — учет средств исследования, а постнеклассический — также относительность знания к вненаучным ценностным ориентациям субъекта»¹³.

Очевидно, следует оговориться по поводу использования самих терминов. Их введение в философский и научный оборот обусловлено

глобальными научными революциями, изменившими основания науки, способы взаимодействия субъекта и объекта научного исследования и обеспечения объективности знания как научного идеала. Одной из предпосылок поиска новой методологии стал кризис позитивизма. Принято говорить о трех научных поворотах: *лингвистическом*, акцентирующем внимание на знаково-символическом (важнейшей формой является язык) опосредовании всех социальных, включая правовые, явлений; *антропологическом*, полагающем человека центром социальности и правовой реальности, которую он воспроизводит своими действиями и психической активностью; *практическом*, который применительно к юриспруденции означает признание существования права, только если оно действует. Действие определяет бытие права¹⁴.

В научно-теоретическом плане это выразилось во всё возрастающем интересе к правовой антропологии. Причем антропологический подход характерен для исследователей, стоящих как на классических позициях правопонимания, так и на инновационных (постклассических или постнеклассических). В первом случае это выражается, например, в обосновании единства естественного и позитивного права¹⁵, а во вто-

¹⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

¹¹ Об этом свидетельствуют хотя бы ежегодные диалоги главы российского государства с гражданами.

¹² Определение рациональности в отечественной историографии еще в советское время было дано М. К. Мамардашвили в известной работе «Классический и неклассический идеалы рациональности» (Тбилиси, 1984), на которую ссылаются все обращающиеся к этой проблематике, наряду с работами М. Хайдеггера и Э. Гуссерля. В современной отечественной философии в обосновании типов рациональности в рамках философии науки отмечается особая роль известного российского философа В. С. Степина.

¹³ *Добронравова И. С.* Постнеклассическая рациональность и философские основания синергетической методологии // Постнеклассика: философия, наука, культура : кол. монография / отв. ред. Л. П. Киященко и В. С. Степин. СПб. : Мирь, 2009. С. 297.

¹⁴ *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права : монография. СПб. : Алеф-Пресс, 2012. С. 166—167.

Нельзя не отметить, что далеко не всеми теоретиками права разделяется такой подход в поиске новой методологии, в частности О. В. Мартышин полагает, что обращение юридической науки к разным философским школам ведет к методологическому выходу за пределы правовой науки, а также к подмене правовых проблем квазифилософскими или превращению их в квазифилософские (*Мартышин О. В.* Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6. С. 23).

¹⁵ См.: *Шафиров В. М.* Естественно-позитивное право. Введение в теорию. Красноярск : КрасГУ, 2004.

ром — в поиске иной не классической рациональности¹⁶.

Неклассическая, или, как пишет Г. А. Гаджиев, «неканоническая»¹⁷, методология становится востребованной в научном осмыслении и конституционно-правовых явлений. Так, он пишет, что «...знакомство с монографией украинского философа права С. И. Максимова убедило меня в необходимости дальнейшего изучения онтологии права, прежде всего конституционного, после критического осмысления сложившейся в доктрине системы юридических взглядов, которые я называю знаково-символической концепцией, особенно заметно проявляющейся в области конституционного права... Знаки, символы, клаузулы в конституционном праве — это способ обратить внимание на то, что за лингвистическим носителем кроется обширный юридический смысл, который иногда называют “духом законов”»¹⁸.

Неоднозначность отношения представителей юридической науки к неклассической методологии не исключает плодотворного ее использования отраслевой наукой. Очевидно, она может быть применена и при исследовании проблематики предмета конституционного права. Сразу следует оговориться, что, несмотря на критику, сторонники неклассического подхода широко используют достижения классической догматики¹⁹, прежде всего в категориальной области. Как пишет И. Л. Честнов, задачей постклассической теории права является не отказ

от юридической догматики, «но наполнение человекообразностью и практической ориентированностью»²⁰ (сохранено оригинальное выделение).

Антропологический подход полагает человека центром социальной реальности, частью которой является правовая реальность. Как пишет белорусский ученый В. И. Павлов, «...метод юрико-антропологического анализа является средством познания правовой реальности в антропологическом контексте и заключается в аналитическом выделении всех элементов правовой реальности и их центрировании на фактическом правовом существовании человека в праве. При этом нормативное “существование” человека в праве, представление человека только в контексте его прав, обязанностей, правовых связей включено в фактическое правовое существование и рассматривается на его фоне. Таким образом, метод юрико-антропологического анализа позволяет сориентировать правовое представление и переопределить функциональность всех правовых средств в направлении существующего в правовой реальности человека, тем самым одновременно обеспечивая реализацию принципа человекомерности права»²¹.

Одним из элементов антропологического дискурса является идентичность. Теория идентичности получила развитие и в юридической науке. С авторской точки зрения, она включает три аспекта: *философско-правовой*, позволяющий ставить вопросы о сути права и его значе-

¹⁶ См.: Разуваев Н. В., Харитонов Л. А., Черноков А. Э. Социальная антропология права современного общества : монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб. : Знание; ИВЭСЭП, 2006.

¹⁷ Гаджиев Г. А. Конституционная идентичность и права человека // URL: http://www.ksrf.ru/ru/News/Documents/report_Гаджиев%20_2016.pdf (дата обращения: 10 июня 2018 г.).

¹⁸ Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография. М. : Норма: Инфра-М, 2014. С. 7.

Как видим, высокая оценка конституционалиста соседствует с жесткой критикой взглядов С. И. Максимова в упомянутой выше работе теоретика права О. В. Мартышина.

¹⁹ Как пишет В. И. Павлов, «...под классическими правовыми концепциями следует понимать весь корпус теоретико-правовых доктрин, сформированный на базе новоевропейской правовой методологии и использующий в качестве рабочего аппарата язык традиционной юридической догматики» (сохранено оригинальное выделение) (Павлов В. И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие. Минск : Академия МВД, 2017. С. 40.

²⁰ Честнов И. Л. Указ. соч. С. 167.

²¹ Павлов В. И. Указ. соч. С. 55.

нии в развитии и совершенствовании человека и общества, в их взаимодействии друг с другом и государством; *теоретико-правовой* направлен на уяснение понимания социального субъекта как субъекта права, его юридического поведения, мотивов и целей правовой активности, ее результатов и перспектив; *отраслевой*, в частности конституционно-правовой аспект позволяет уяснить потенциал отрасли права в формировании правовой идентичности социальных субъектов в целом и субъектов правоотношений данной отрасли.

Доктрина конституционной идентичности может рассматриваться как *отраслевой элемент* правовой теории идентичности. В контексте общей теории права авторский подход²² основывается на выделении трех аспектов правовой идентичности:

- с *объективной* точки зрения — это *качественная характеристика субъекта права*. С этой позиции можно исследовать индивидуальный или коллективный субъект права в его проявлении в правовой сфере в юридически значимых действиях;
- с *субъективной* точки зрения — это *правовое качество социального субъекта*, сформированное на основе *ценностного и интеллектуально-волевого восприятия* представленного правовой системой правового статуса (правового положения) как сущностного элемента самопознания, саморегуляции и самореализации; обеспечиваю-

щее *самотождественность* субъекта в правоотношении; определяющее его *положительное правовое сознание* и получающее выражение в *актуальном юридическом самоопределении* субъекта посредством прав, обязанностей и ответственности в правомерном поведении;

- с *научной* точки зрения — это категория анализа правовых явлений, метод, позволяющий выбрать направление и пути исследования, способы постановки и достижения целей, приемы освоения правовой реальности в теоретических и практических целях²³. Изучение практики, а также работ теоретиков доктрины конституционной идентичности применительно к российскому государству²⁴ и с учетом развития теории правовой идентичности позволяют выделить и в конституционной идентичности вышеназванные аспекты:
- в *объективном смысле* конституционная идентичность — это качественная конституционно-правовая характеристика Российской Федерации, которая может быть исследована в ее проявлении в правовой сфере в юридически значимых действиях как на внутригосударственном уровне, так и в международных и межгосударственных отношениях;
- с *научной точки зрения* — это категория, с помощью которой осуществляется научное познание развития государства, его институтов, способов обеспечения прав человека

²² Авторская позиция изложена более чем в 40 научных работах. См., например: *Исаева Н. В.* Правовая идентичность: проблемы теории и практики : монография. Иваново : Иванов. гос. ун-т, 2009 ; *Она же.* Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование) : монография. М. : Юрлитинформ, 2013 ; *Она же.* Правовая идентичность как категория права и теоретико-правового анализа : монография. М. : Юрлитинформ, 2014.

²³ *Исаева Н. В.* Феноменология правовой идентичности // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. Минск : Академия МВД, 2017. С. 79.

²⁴ См., в частности: постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2480 ; *Зорькин В. Д.* Конституционная идентичность России: доктрина и практика // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=82> (дата обращения: 10 июня 2018 г.) ; *Гаджиев Г. А.* Конституционная идентичность и права человека.

и функционирования гражданского общества в условиях глобализации, необходимости выработки подходов к взаимодействию правовых систем, и интеграции государств в мировом сообществе;

— в субъективном значении применительно к государству — это конституционно-правовое качество (состояние) государства, сформированное на основе конституционализации²⁵ правовой системы, правопорядка, структур государства и лиц, обеспечивающих и осуществляющих их функционирование.

В субъективном значении применительно к человеку — это базовый элемент правовой идентичности социального субъекта, сформированный на основе ценностного и интеллектуально-волевого восприятия национальной Конституции, как основы самопознания, саморегуляции и самореализации личности; определяющий конституционализацию правосознания; обеспечивающий конституционную самостоимость субъекта и правомерность его поведения в правовой реальности.

В субъективном смысле правовая идентичность и конституционная идентичность соотносятся как общее и часть по основаниям формирования. Вместе с тем, учитывая аспект конституционализации правосознания, формирование конституционной идентичности можно рассматривать как условие и предпосылку достижения правовой идентичности.

Необходимо пояснить понимание термина «правовая реальность», так как он имеет разные интерпретации, обусловленные типами рацио-

нальности и правопонимания, которые господствуют в обществе или избранной автором методологией, как это обстоятельно представлено Г. А. Гаджиевым при рассмотрении проблем онтологии права²⁶. В целях данного исследования под правовой реальностью понимается часть социального мира в значении правовой системы, ядро которой составляет система «общих принципов права и конституционных принципов и их объективную природу»²⁷.

Правовая реальность, как и формируемая в ее условиях правовая идентичность, исторически и социокультурно обусловлена. Контекст правовой системы, ее традиции и ее конституционного ядра применительно к Российской Федерации адресует нас к общественной и государственной жизни нашей страны и нашей конституционно-правовой реальности. Это влияет и на выбор правопонимания.

Методологически автор исходит из сущностного понимания права как формального равенства, являющегося мерой свободы и справедливости. Сущность права в таком понимании получила интерпретацию в Конституции РФ в качестве принципа основ правового статуса личности. Правовой статус содержательно трактуется как гуманистически ориентированная система прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, в антропологическом контексте предметом конституционно-правового регулирования должны быть те общественные отношения, в рамках которых человек формируется и реализуется как личность. Именно их следует отнести к тем самым «традиционным», как пишет С. А. Авакьян, общественным отно-

²⁵ Один из разработчиков теории конституционализации В. И. Крусс под этим термином понимает «... соответствующий национальной конституционной модели суверенный процесс институционального и нормативного усовершенствования (развития, обновления) государства и права (в широком значении). Более же целесообразным представляется рассматривать в качестве объекта конституционализации правовую систему общества в единстве ее компонентов: правового сознания, системы права и юридической практики» (Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории : монография. М. : Норма, 2016. С. 16).

²⁶ Гаджиев Г. А. Онтология права. С. 101—177.

²⁷ Гаджиев Г. А. Онтология права. С. 152.

С позицией автора по данной проблеме можно познакомиться в работе: Исаева Н. В. Правовая идентичность и воспроизводство правовой реальности // Парадигмы юридической герменевтики : монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Л. И. Честнова. СПб. : Алетей, 2017. С. 260—272.

шениям, которые, возникая, с неизбежностью должны стать конституционно-правовыми²⁸.

Исходя из смысла ст. 2 и 3 Конституции РФ, система человеческих (межличностных) взаимодействий, коммуникаций, диалогов может породить новое в общественной жизни, потребовать изменений во властных структурах. Примером может служить понимание актуализации общественных отношений, отнесенных к основам конституционного строя и закрепленных в качестве принципа государственной поддержки материнства, детства, отцовства и семьи, которое обнаружилось в практике жизни многодетной семьи из г. Иваново, обратившейся на прямой линии к Президенту РФ с просьбой внести изменения в законодательство в целях реализации названного принципа (ТВ-трансляция 7 июня 2018 г.).

В данном случае это классический пример необходимости понимания и применения для анализа правовой реальности методов того самого практического поворота в юриспруденции, когда для конкретного человека право существует, если оно действует посредством реализации правового статуса, в частности многодетной семьи. Очевидно, последствием этого действия будет изменение не только законодательства, но и самой правовой реальности, учитывая общественный эффект инициативы.

С классической точки зрения эту ситуацию можно рассматривать как прямую правотворческую инициативу граждан, реализуемую субъектом права законодательной инициативы — Президентом РФ, поскольку граждане так и не получили у нас полноценного статуса субъекта законодательной инициативы²⁹.

В антропологическом контексте для многодетной семьи действия по обращению к норме права, ее ментальное (психическое) восприятие и ожидания положительного результата, а также индивидуально выявленный смысл нормы определяют сущность права и формируемую им правовую реальность, которая оказалась иной,

чем предполагалось. Это привело к нарушению положительного образа многодетной семьи в праве и одновременно — к кризису ее конституционной идентичности, который, надеемся, будет преодолен восстановлением принципа формального равенства, а вместе с ним и справедливости, в отношении всех многодетных семей, независимо от количества детей.

Многодетный отец в данном случае выступил как личность, способная к выстраиванию своей индивидуальности за пределами индивидуализма и эгоизма, в том числе посредством совместного с другими решения возникающих проблем. Способность субъекта не только к поиску, но и признанию значимости Другого является важнейшим условием правовой коммуникации, диалога, общения, т.е. взаимодействия, результатом которого может стать появление общеобязательного и общепризнанного правила поведения. Сожаление вызывает тот факт, что сам законодатель, как показывает практика, пока не осознает себя значимым Другим и не готов к продуктивному взаимодействию с социально активной личностью.

Модель личности, заложенная в конституционных основах ее правового статуса, не является произволом российского государства, но выстраданной в конституционном развитии системой прав и свобод, одобренных на референдуме, способствующих развитию личности, ее совершенствованию. Смыслы, заложенные в конституционные нормы, ориентированы на формирование человеческого достоинства, самоуважения, уважения прав других, независимо от полагаемых социальных критериев, включая профессию, должность, социальное происхождение и положение.

Для Российской Федерации как исторически полиэтничного государства важнейшими являются отношения, в рамках которых реализуется принцип права народов на самоопределение, закрепленный в ч. 3 ст. 5 Конституции РФ. Применительно к конкретному человеку оно реали-

²⁸ Авакьян С. А. Конституционное право России : учеб. курс. Т. 1. С. 43.

²⁹ Подробнее с позицией автора по этому вопросу можно познакомиться в работе: Исаева Н. В. Правовая идентичность как категория права и теоретико-правового анализа : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 186—195.

зуются, в частности, посредством установления в ст. 26 права свободно выбирать свою национальную принадлежность и язык общения, воспитания, обучения и творчества. Эти положения охватывают широчайший спектр общественных отношений, имеющих фундаментальный характер с точки зрения предмета конституционного права и жизненно важное и не менее основополагающее значение для человека.

Возьмем сферу образования, где закладываются основы личности, формирования условий достойного развития, что нам гарантирует ч. 1 ст. 7 Конституции РФ. С позитивистско-патерналистской точки зрения достаточным предполагается установить в Конституции (ст. 43) и в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об образовании в Российской Федерации»³⁰, что государство гарантирует получение бесплатного высшего образования на конкурсной основе, если гражданин получает его впервые (ст. 5 названного Закона). Однако что получается, когда выпускник школы сталкивается с ситуацией выбора и обнаруживает, что в вузе по месту жительства он реализовать это право не может, поскольку государство не выделило бюджетных мест?

Тем самым не только нарушается провозглашаемый конституцией и федеральным законом принцип формального равенства, но и возникает необходимость, которая не обнаруживается вне антропологического подхода: включить в предмет конституционно-правового регулирования те общественные отношения, в рамках которых государственными структурами, уполномоченными на управление и контроль в сфере образования, принимаются решения без учета потребности выпускника получить профессию там, где он живет, если на его малой родине есть такой вуз или факультет. Очевидно, что создание крупных вузов необходимо, но при этом нельзя забывать и об образовательной инфраструктуре субъектов РФ. Введение единого государственного экзамена в школах, конечно, расширило возможности провинциальных выпускников на поступление в столичные вузы, но необходимо иметь в виду и тех, кто хочет полу-

чить образование, как говорится, дома по разным причинам «человекомерного» характера. Не следует забывать, что нарушение принципа формального равенства в отношении человека может привести и уже приводит к нарушению конституционного принципа равноправия субъектов РФ, особенно дотационных, в которых и так силен отток молодежи. Тем самым создаются препятствия для формирования конституционной идентичности и человека, и государства. У нас уже был опыт, когда в столицу ездили за продуктами, как известно, ничего хорошего из этого не вышло.

Другим примером отрицательных последствий непонимания законодателем важности антропологического подхода в определении предмета конституционно-правового регулирования может быть непродуманная политика республик в составе Российской Федерации, реализующих свое конституционное право на второй государственный язык, устанавливая в сфере образования его обязательность. Несмотря на то что эта проблема жителями республик поднималась уже давно, законодательные органы субъектов, да и федеральный парламент игнорировали ситуацию, доведя дело до обращения к Президенту РФ. На практике это приводит не только к нарушению прав человека, но и к утрате значимости законодательных органов в восприятии граждан, что может сказаться на электоральном поведении на выборах.

Идентичность, правовая в том числе, всегда формируется как система положительных представлений социального субъекта о самом себе, поэтому, выбирая и актуализируя общественные отношения как предмет конституционного права, следует руководствоваться не только целесообразностью, например, экономии бюджетных средств, но прежде всего интересом конкретного человека, тем более что это уже закреплено в ст. 18 Конституции РФ.

Таким образом, антропологический подход вполне согласуется с заложенным в Конституции РФ и далеко не раскрытым потенциалом развития правовых отношений в качестве пред-

³⁰ СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

мета конституционно-правового регулирования. При этом следует помнить, что сам предмет права и конституционного, в том числе как совокупность общественных отношений, которые могут подвергаться правовому воздействию,

есть лишь результат деятельности человека. И только он делает конституционное право реальным, формируя правовую идентичность и способствуя достижению конституционной идентичности государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авакьян С. А.* Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. — М. : Юристъ, 2005. — Т. 1. — 719 с.
2. *Гаджиев Г. А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография. — М. : Норма: Инфра-М, 2014. — 320 с.
3. *Грачев Н. И., Тихонов А. А.* Основы конституционного строя как общеправовые принципы // Вестник Волгоградского государственного университета. — Серия 5 : Юриспруденция. — 2013. — № 1. — С. 12—18.
4. *Добронравова И. С.* Постнеклассическая рациональность и философские основания синергетической методологии // Постнеклассика: философия, наука, культура : кол : монография /отв. ред. Л. П. Киященко и В. С. Степин. — СПб. : Миръ, 2009. — С. 296—314.
5. *Исаева Н. В.* Правовая идентичность как категория права и теоретико-правового анализа : монография. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 360 с.
6. *Карташов В. Н.* Инновационные и традиционные подходы к исследованию конституционных правоотношений // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 3. — С. 12—16.
7. *Козлова Е. И., Кутафин О. Е.* Конституционное право России : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юристъ, 2005. — 368 с.
8. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть : учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Б. А. Страшун. — 4-е изд., обновл. и дораб. — М., 2010. — 896 с.
9. *Крупеня Е. М.* Статусное публичное право (основы теории). — М. : АПК и ППРО, 2011. — 212 с.
10. *Крусс В. И.* Конституционализация права: основы теории : монография. — М. : Норма, 2016. — 240 с.
11. *Кудрявцев В. Н.* Правовое поведение: норма и патология. — М. : Наука, 1982. — 287 с.
12. *Кутафин О. Е.* Предмет конституционного права. — М. : Юристъ, 2001. — 444 с.
13. *Лазарев В. В.* Социально-психологические аспекты применения права. — Казань : Казан. гос. ун-т, 1982. — 144 с.
14. *Лунгу Е. В.* Объект конституционных правоотношений // Государственная власть и местное самоуправление. — 2017. — № 6. — С. 25—29.
15. *Мальцев Г. В.* Социальное основание права. — М., 2007. — 800 с.
16. *Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. — Тбилиси : Мецниереба, 1984. — 156 с.
17. *Мартышин О. В.* Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. — 2016. — № 6. — С. 20—30.
18. *Невинский В. В.* Основы конституционного строя Российской Федерации как система конституционных принципов // Российский юридический журнал. — 2004. — № 1 (41). — С. 9—14.
19. *Павлов В. И.* Проблемы теории государства и права : учеб. пособие. — Минск : Академия МВД, 2017. — 262 с.
20. Парадигмы юридической герменевтики : монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Л. И. Честнова. — СПб. : Алетейя, 2017. — 490 с.
21. *Разуваев Н. В., Харитонов Л. А., Черноков А. Э.* Социальная антропология права современного общества : монография / под ред. И. Л. Честнова. — СПб. : Знание; ИВЭСЭП, 2006. — 248 с.

22. Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. — Минск : Академия МВД, 2017. — 378 с.
23. Честнов И. Л. Постклассическая теория права : монография. — СПб. : Алеф-Пресс, 2012. — 650 с.

Материал поступил в редакцию 21 июня 2018 г.

SUBJECT MATTER OF CONSTITUTIONAL LAW IN ANTHROPOLOGICAL CONTEXT

ISAEVA Nina Valentinovna, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional, Administrative and Financial Law of the Ivanovo State University
nina.isaewa@yandex.ru
153025, Russia, Ivanovo, ul. Ermaka, d. 39

Abstract. *The science of constitutional law needs to more resolutely address the non-classical methodology, conditioned by three global scientific turns of the postmodernity: linguistic, anthropological, practical. The anthropological approach assumes that a person is the center of social reality, legal reality being a part of it. This is consistent with the constitutional principles of the highest value of a person and his rights, formal equality, dignity of the person. In the context of legal anthropology, the subject of constitutional legal regulation are those social relations that form a person who can fulfill himself as a personality in the context of the national legal system. It becomes important to regulate those social relations in which the civic activity of an individual is manifested, primarily his legislative and legislative initiatives. This requires a change in attitude towards the nature of law. Considering the meaning of arts. 2 and 3 of the Constitution of the Russian Federation, the system of human (interpersonal) interactions can generate new things in public life, entailing a change in power relations. At the same time, law in general, including sectoral constitutional law, should develop as a positive result of human activity, an important element of the progressive evolution of society, contributing to the development of the personality, its self-knowledge and self-realization, the achievement of such legal quality as legal identity. Identity is one of the elements of anthropological discourse. From the author's position, the legal theory of identity includes three aspects: philosopho-legal, theoretical legal and disciplinary. The categories of "legal identity" and "constitutional identity", on the one hand, act as a qualitative legal characteristic of a social subject; on the other hand, they make it possible to analyze a person's place in law and legal reality in general.*

Keywords: *subject of law, constitutional law, methodology, legal thinking, anthropological turn, personality, legal reality, constitutional identity.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avak'yan S. A. Konstitutsionnoe pravo Rossii : ucheb. kurs : v 2 t. — M. : Yurist", 2005. — T. 1. — 719 s.
2. Gadzhiev G. A. Ontologiya prava: (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo kontsepta deystvitel'nosti) : monografiya. — M. : Norma: Infra-M, 2014. — 320 s.
3. Grachev N. I., Tikhonov A. A. Osnovy konstitutsionnogo stroya kak obshchepравovye printsipy // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. — Seriya 5 : Yurisprudentsiya. — 2013. — № 1. — S. 12—18.
4. Dobronravova I. S. Postneklassicheskaya ratsional'nost' i filosofskie osnovaniya sinergeticheskoy metodologii // Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura : kol : monografiya /otv. red. L. P. Kiyashchenko i V. S. Stepin. — SPb. : Mir", 2009. — S. 296—314.

5. *Isaeva N. V.* Pravovaya identichnost' kak kategoriya prava i teoretiko-pravovogo analiza : monografiya. — M. : Yurlitinform, 2014. — 360 s.
6. *Kartashov V. N.* Innovatsionnye i traditsionnye podkhody k issledovaniyu konstitutsionnykh pravootnosheniy // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. — 2013. — № 3. — S. 12—16.
7. *Kozlova E. I., Kutafin O. E.* Konstitutsionnoe pravo Rossii : uchebnik. 2-izd., pererab. i dop. — M. : Yurist", 2005. — 368 s.
8. Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran. Obshchaya chast' : uchebnik / ruk. avt. kol. i otv. red. B. A. Strashun. — 4-e izd., obnovl. i dorab. — M., 2010. — 896 s.
9. *Krupenya E. M.* Statusnoe publichnoe pravo (osnovy teorii). — M. : APK i PPRO, 2011. — 212 s.
10. *Kruss V. I.* Konstitutsionalizatsiya prava: osnovy teorii : monografiya. — M. : Norma, 2016. — 240 s.
11. *Kudryavtsev V. N.* Pravovoe povedenie: norma i patologiya. — M. : Nauka, 1982. — 287 s.
12. *Kutafin O. E.* Predmet konstitutsionnogo prava. — M. : Yurist", 2001. — 444 s.
13. *Lazarev V. V.* Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty primeneniya prava. — Kazan' : Kazan. gos. un-t, 1982. — 144 s.
14. *Lungu E. V.* Ob"ekt konstitutsionnykh pravootnosheniy // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. — 2017. — № 6. — S. 25—29.
15. *Mal'tsev G. V.* Sotsial'noe osnovanie prava. — M., 2007. — 800 s.
16. *Mamardashvili M. K.* Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsional'nosti». — Tbilisi : Metsniereba, 1984. — 156 s.
17. *Martyshin O. V.* Ob osobennostyakh filosofsko-pravovoy metodologii // Gosudarstvo i pravo. — 2016. — № 6. — S. 20—30.
18. *Nevinskiy V. V.* Osnovy konstitutsionnogo stroya Rossiyskoy Federatsii kak sistema konstitutsionnykh printsipov // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2004. — № 1 (41). — S. 9—14.
19. *Pavlov V. I.* Problemy teorii gosudarstva i prava : ucheb. posobie. — Minsk : Akademiya MVD, 2017. — 262 s.
20. Paradigmy yuridicheskoy germenevtiki : monografiya / pod obshch. red. E. N. Tonkova, L. I. Chestnova. — SPb. : Aleteyya, 2017. — 490 s.
21. *Razuvaev N. V., Kharitonov L. A., Chernokov A. E.* Sotsial'naya antropologiya prava sovremennogo obshchestva : monografiya / pod red. I. L. Chestnova. — SPb. : Znanie; IVESEP, 2006. — 248 s.
22. Sovremennye podkhody k ponimaniyu prava i ikh vliyanie na razvitie otraslevoy yuridicheskoy nauki, zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noy praktiki : sb. nauch. tr. / pod obshch. red. V. I. Pavlova, A. L. Savenka. — Minsk : Akademiya MVD, 2017. — 378 s.
23. *Chestnov I. L.* Postklassicheskaya teoriya prava : monografiya. — SPb. : Alef-Press, 2012. — 650 s.